

изъ слѣпой безсознательной природы, изъ животнаго царства и съ самаго человѣка, насколько онъ остается животнымъ. Источникомъ второго типа служить именно то, что въ человѣкѣ притивоположно животному, то, чѣмъ онъ отличается отъ сего послѣдняго. Зоологическія теоріи, прилагаемыя къ жизни человѣческой, къ исторіи,—будетъ ли это теорія типовъ Кювье или же теорія происхожденія видовъ Дарвина,—имѣютъ ту общую черту, что онѣ одинаково равнодушны къ отношеніямъ, въ которыя по этимъ воззрѣніямъ ставятся люди, равнодушны къ положенію людей, осужденныхъ по теоріи организма исполнять, на примѣръ, роль какого либо орудія. Общество по типу организма есть общество, устроенное, можно сказать, по типу смертной личности; другой же типъ общества устроится по образцу бессмертныхъ личностей. Объединеніе по типу организма обезглавливаетъ большинство людей и обращаетъ ихъ въ механическія орудія; тогда какъ истинное единство, или родство по мысли и чувству, не можетъ допустить такого противородственнаго, преступнаго изуродованія напротивъ—оно возглавливаетъ *всѣческая*. Истинное единство по образу Троицы есть тѣснѣйшій союзъ личностей, въ коемъ выражено то начало, которое мы называемъ нравственностью; объединеніе же по типу организма построено прямо на отрицаніи нравственнаго начала, потому-то оно и можетъ держаться только насиліемъ, принужденіемъ. Общество по образу Троицы не нуждается во внѣшнемъ принужденіи, въ насиліи, которое удерживало-бы людей въ обществѣ и тѣмъ не менѣе это—глубочайшій союзъ личностей, держится онъ психическою, душевною силою, взаимознаніемъ, слѣдовательно—въ такомъ обществѣ знаніе не можетъ оставаться достояніемъ только нѣкоторыхъ, оно необходимо принадлежитъ *всѣмъ*, такъ какъ взаимознаніе есть основа общества, безъ него и не будетъ такого общества. Наоборотъ, въ обществѣ по типу организма, въ которомъ чѣмъ больше раздѣляются занятія, тѣмъ больше оно приближается къ своему идеалу, т. е. къ типу организма, и по новѣйшимъ воззрѣніямъ—дѣлается совершеннѣе, въ такомъ обществѣ знаніе становится достояніемъ однихъ, меньшинства, а дѣло, дѣйствіе, работа—удѣломъ другихъ, большинства. Поэтому, чѣмъ такое раздѣленіе въ обществѣ совершеннѣе, тѣмъ менѣе оно дѣлается способнымъ къ просвѣщенію, ибо просвѣщеніе, не поддерживаемое главнымъ занятіемъ, не имѣющее ничего общаго съ нимъ, не обращающее въ изслѣдованіе главнаго занятія человѣка,—а такимъ занятіемъ можетъ быть лишь трудъ земледѣльческій и ни въ какомъ случаѣ не мануфактурный,—*просвѣщеніе на досугъ*, такое просвѣщеніе не можетъ быть плодотворно. Для рабочаго, исполняющаго роль руки въ теченіе шести дней, голова точно шляпа, которую онъ надѣваетъ по праздникамъ,—если только онъ будетъ ее надѣвать; не предпочтеть ли онъ этой шляпѣ что либо другое, разгуль—напримѣръ?!. Въ обществѣ по типу организма одни, такъ сказать, имѣютъ право производить изслѣдованія, а другіе могутъ только читать на досугъ, если умѣютъ, или же слушать популярное изложеніе этихъ изслѣдованій. Не напоминаетъ ли это—кастовое устройство, при которомъ одни могли читать и толковать